

Н. А. БАСКАКОВ

АРЕАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ НАРЕЧИЙ
И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема генетического родства алтайских языков привлекает все больше и больше внимание ученых. Наличие противоположных концепций *pro et contra* генетического единства алтайских языков создает благоприятные условия и для научной дискуссии, и для более глубокого изучения этой проблемы. Высказываются различные точки зрения, касающиеся значительного числа лексических и грамматических элементов, общих для монгольских, тюркских и других алтайских языков — одни исследователи объясняют их генетическими связями этих языков между собой, а другие — заимствованием или типологическим их сходством. Любопытно, что исследователи, скептически относящиеся к генетическим связям этих языков, в большей степени останавливаются на лексических схождениях, которые в одинаковой мере могут быть объяснены как генетическим единством, так и взаимодействием языков¹, в то время как сторонники генетического родства алтайских языков апеллируют в большей степени к грамматическим их схождениям.

В настоящей статье делается попытка объяснить материальную общность грамматической структуры алтайских языков (и прежде всего самых непроницаемых элементов этой структуры — словоизменения) не взаимодействием этих языков и не заимствованием этих элементов, а генетическими связями алтайских языков в процессе консолидации древнейших родственных наречий в определенные группы и семьи языков.

Таким образом, предлагаемая статья, с одной стороны, уравнивает высказывания противников и защитников алтайской теории в поднятой журналом «Вопросы языкознания» дискуссии, а с другой — представляет исходный материал для дискуссии также и в отношении грамматической структуры алтайских языков.

Все основные ареалы распространения родственных языков представляют собой относительно ограниченную определенными границами территорию, расположенную либо в виде больших компактных островов, либо в виде растянутых полос, чаще локализованных определенными широтами и реже расположенных по меридианам.

В Евразии, условно разделенной горными хребтами на Европу и Азию, можно без особого труда установить несколько значительных по территории ареалов распространения языков. Почти всю Западную Европу, центральные широты Восточной Европы, средние широты Средней Азии до полуострова Индии и границ Китая занимает обширная семья индоевропейских языков с выделившимися подареалами: на юге Европы — романским и греко-албанским, на севере — германским и балто-славянским, в средних широтах Западной Азии — армянским и иранским и да-

¹ См.: А. М. Ш е р б а к, О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, ВЯ, 1966, 3; Д. Ж. К л о у с о н, Лексико-статистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5.

лее на Восток — тохарским и индийским. В этот огромный ареал только незначительными островками включаются поселения (более поздние по времени) иноязычных неиндоевропейских по языку народов.

Южнее и севернее этого ареала господствуют другие семьи языков: на юге и юго-западе — семитические, а на севере колоссальную территорию, расположенную параллельной к индоевропейским ареалам полосой от Финляндии до Якутии и Японии, занимают языки, главным образом, урало-алтайские с небольшими островками палеоазиатских и некоторых других языков.

Урало-алтайские языки, как и индоевропейские, членятся на территориальные ареалы: западный ареал с господствующими финно-угорскими, восточный — с алтайскими языками. Финно-угорский и алтайский ареалы в свою очередь подразделяются на соответствующие подареалы, расположенные в виде последующих друг за другом в известном порядке звеньев единой цепи. Так, например, в ареале алтайских языков более западную территорию занимали турки, далее на восток — монголы, непосредственные соседи монголов — маньчжуры и тунгусы, на крайнем востоке — корейцы и японцы.

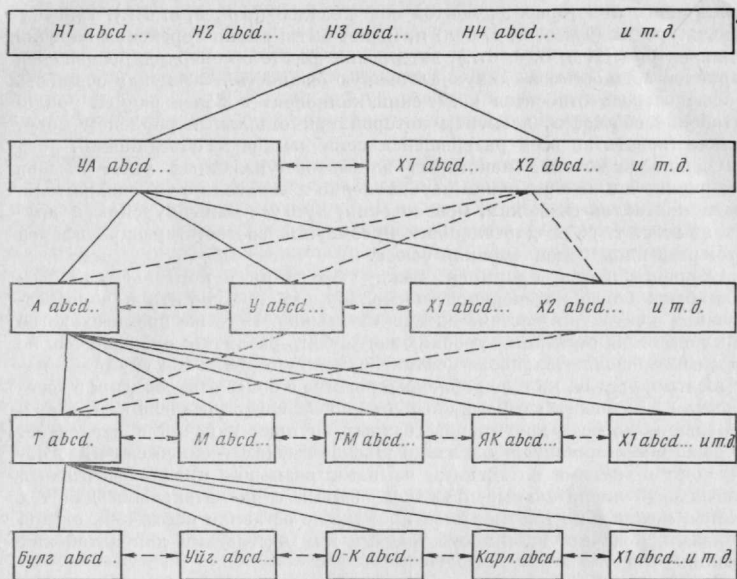
Этот северный евразийский ареал в глубокой древности представлял собой непрерывную цепь родов и племен с близкими родственными наречиями. В результате перманентного процесса соединения и распада племен при господствующей их дифференциации этот ареал распался сначала на два больших ареала — уральский на западе и алтайский на востоке (ср. более поздний такой же распад племенного союза хунну на западных и восточных хунну или более позднего племенного союза тую — на западных и восточных), а затем каждый из них разделился на более дробные подареалы: уральский — на угорский, финский, самодийский, а алтайский — на тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский и корео-японский. (Ср., например, дифференциацию западнохуннской ветви тюркских языков на булгарские, огузо-кыпчакские и карлукские).

Следует отметить, что интенсивность связей между алтайскими языками сохранилась в прямой пропорции от древнего географического распространения соответствующих ареалов, а следовательно, и более близкого родства. Так, более тесные связи и большая материальная близость сохранились между тюркскими и монгольскими и меньшая — между тюркскими и другими алтайскими языками, в то время как монгольские языки, ареал распространения которых был близок к ареалу тунгусо-маньчжурских языков, имеют значительно больше схождений с тунгусо-маньчжурскими языками, чем тюркские языки с теми же языками.

Однако такой процесс дифференциации усложнялся также и процессом интегрирования, т. е. соединения не только близкородственных родов и племен и соответственно их диалектов и наречий, но и дальнеродственных (например, алтайских и финно-угорских), а иногда и неродственных адстратных наречий, которые соответствующим образом воздействовали на формирование новых общностей.

Хотя процессы образования алтайских языков несколько отличаются от процессов перекрещивания диалектов индоевропейских языков наподобие концентрических кругов или волн, как это представлял себе И. Шмидт, некоторые положения его теории, а также положения более поздних его интерпретаторов, *mutatis mutandis* могли бы быть применимы также и для объяснения некоторых процессов образования алтайских языков². В частности, утверждение И. Шмидта о том, что совре-

² См.: J. Schmidt, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*, Weimar, 1872; F. Wrede, *Ethnographie und Dialektwissenschaft*, «Historische Zeitschrift», 88. Bd., N. F. 52. Bd., München—Berlin, 1902, стр. 22 и сл.; E. T a p-

менные территориальные соотношения диалектов отражают то же распределение языков и диалектов, которое существовало в древности, можно бы было распространить, например, на сопоставление современной локализации карлукских, огузских и кыпчакских диалектов узбекского языка и территориального их распределения по Махмуду Кашгарскому в X—XI вв.

Однако характер образования алтайских языков и процессы их формирования имели также и специфические черты, отличавшие их от процессов становления индоевропейских языков и диалектов. Так, для алтайских языков характерны не концентрические волны распространения тех или иных изменений в языке, как предполагал И. Шмидт, но перманентная дифференциация и интеграция диалектов и их консолидация в языковые группы на определенной территории и в определенное время при господствующем процессе их дифференциации (теория И. Шмидта отрицала дифференциацию языков на группы). Таким образом, теория И. Шмидта не может в полной мере объяснить процессы образования алтайских языков.

Итак, общий процесс дифференциации и интеграции алтайских языков и их общностей может быть представлен в схеме (см. выше).

Каждая подчиненная общность, например тюркская (Т а, b, c, d...), является результатом развития и дифференциации более ранней алтайской общности (А а, b, c, d...) и представляет собой в то же время результат консолидации близких между собой наречий и диалектов и интеграции

polet, Über die Bedeutung der Sprachgeographie mit besonderer Berücksichtigung französischer Mundarten, «Aus romanischen Sprachen und Literaturen. Festgabe H. Morf», Halle a. d. S., 1905, и др.

(включения) некоторых элементов монгольских (М а, b, c, d...), тунгусо-маньчжурских (ТМ а, b, c, d...) и, может быть, японо-корейских наречий и диалектов (ЯК а, b, c, d...), входивших вместе с консолидировавшейся тюркской общностью в единую алтайскую общность. Алтайская общность в свою очередь относится как некий компонент к более ранней урало-алтайской общности, элементы которой как отдельные рефлексy могут наличествовать во всей развившейся цепи языковых объединений.

Однако включение некоторых элементов указанных выше языков в тюркские языки проходило неравномерно и зависело от продолжительности контактов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков, т. е. от длительности пребывания соответствующих племен в том или ином родоплеменном союзе.

Степень родства, например, между тюркскими и монгольскими языками была более интенсивной, поскольку они находились в непосредственном контакте в системе алтайских языков. В то же время сходство этих языков на отдельных уровнях могло быть различно: оно зависело не только от продолжительности контактов между отдельными группами наречий и диалектов, но и от рефлексов родства с более отдаленными в генетическом отношении языками, которые могли внести особенности, отсутствовавшие во всех других родственных группах наречий и диалектов. Ср., например, числительные в монгольских языках — они имеют мало общих черт с другими алтайскими языками; возможно предположить, что монгольские числительные являлись общими с числительными для тех языков, которые по той или иной причине не оставили после себя следов и оказались исчезнувшими субстратами или адстратами для алтайских языков.

В предлагаемой схеме развития алтайских языков как бы объединяются и синтезируются обе основные теории о происхождении алтайских языков — теория генетического их родства и теория образовавшегося родства в результате взаимодействия в период длительных их контактов между собой.

Обратимся к конкретному материалу, который собран алтаистами и, который, по нашему мнению, убедительно доказывает родство алтайских языков и в первую очередь — тюркских и монгольских. Подводя итоги своего исследования алтайских языков, В. Л. Котвич пришел к выводам о том, что общий фонд схождений между монгольскими и тюркскими языками равен в морфологии около 50%, в лексике — 25%, а между тунгусо-маньчжурскими, с одной стороны, и тюркскими и монгольскими, с другой, — 10% в лексике и около 5% в морфологии³.

Высокий процент морфологических схождений между монгольскими и тюркскими языками, охватывающих почти половину всех грамматических форм и явлений, и меньший процент лексических схождений убедительно доказывают близость этих языков, причем близость, характеризующую генетическое их единство, поскольку наиболее пронцаемым уровнем во взаимодействии неродственных языков является не морфология, а лексика: при взаимодействии неродственных языков между собой в первую очередь изменяется не грамматический строй каждого из языков, а их словарный состав. Явственно выраженная грамматическая близость тюркских и монгольских языков (в большей степени, чем общее количество лексических схождений в тех же языках) позволяет предполагать в отношении их не постепенный процесс типологического схождения этих языков, а обратный процесс постепенного расхождения некогда близкородственных языков.

³ В. К о т в и ч, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 351.

Соотношение, при котором в сравниваемых языках господствует грамматическая близость и большее расхождение в словарном составе, характерно только для родственных языков; ср., например, соотношение турецкого или азербайджанского языков, с одной стороны, и хакасского или алтайского, с другой: для них соотношения грамматических и лексических сходжений будут примерно те же, что и для тюркских и монгольских языков.

Любопытно, что грамматические сходжения между монгольскими и тюркскими, а также другими алтайскими языками касаются не периферийных грамматических категорий и не только общей системы словообразования, но и самых непроницаемых во взаимодействии неродственных языков грамматических категорий, какими являются, например, морфологические категории, выражающие отношения слов в составе словосочетания и предложения, т. е. затрагивают категории словоизменения и из них самые непроницаемые формы — формы падежей.

Все основные категории словоизменения в монгольских и тюркских языках — категория лица, выражающая синтаксические отношения субъекта и предиката, категория принадлежности, выражающая атрибутивные отношения, и категория падежей, выражающая объектно-предикатные отношения, — являются общими не только в типологическом, но в значительной мере и в материальном отношении, т. е. выражаются генетически общими аффиксами.

Не касаясь пока материально совпадающих формантов категорий лица и принадлежности — показателей родственных отношений между языками не только алтайскими, но даже и урало-алтайскими, обратимся к системе падежей, представляющей наименее проницаемую систему форм во взаимодействии неродственных языков, а следовательно, указывающую на ближайшее родство алтайских языков.

Во всех алтайских языках, как это отмечено в исследованиях крупнейших алтаистов В. Л. Котвича и Г. И. Рамстеда, система склонения обнаруживает чрезвычайную близость форм, всех наиболее важных падежей, что по существу граничит с их единством. Вот основные данные Г. И. Рамстеда, характеризующие это единство⁴.

1. И м е н и т е л ь н ы й, или основной, или неопределенный, падеж во всех алтайских языках совпадает с основой слова. Имеющиеся некоторые отклонения в оформлении им. падежа объясняются иными фонетическими закономерностями; например, в основе монг. *naran* «солнце» конечный *n* утрачен в им. падеже — *naran* > *nara*; ср. корейск. *pat* «пашня» < **path*.

2. Р о д и т е л ь н ы й падеж: тюрк. *-nuy*, *-nyn*, *-ny*, *-yn*, *-žn*; монг. **-nyn* > *ni*^а > *ni*; **-n[n]* > *-n[* > *-ni*: *ger* «дом», *ger-ün* «дома», калм. *ger-in*; тунг. исконное окончание *-i*, *-ni*: *maja* «отец», род. п. *maja-i*, *wang-ni* «короля», *bi* «я», род. п. *min*, *hi* «ты», род. п. *hin*; корейск. *-n*: *hai* «день», род. п. *hai-n*; современные показатели — *-ai*, *-ii*, *-i*: *saram* «человек», *saram-ii* «человека».

Во всех алтайских языках существует сочетание род. п. + частица отношения *ki*; ср. тюрк. *-niki*: *aγaniki* «принадлежащее брату», монг. *-jinki*: *aqajinki* то же; тунг. *-ŋi*, *-nŋi*: *akaji* < *akanŋi* то же; маньчж. *inge*, *-niŋge*.

Во многих алтайских языках род. падеж служит основой для образования других падежей; ср.: тюркск. *biz-iŋ-ge* «к нам» (дат. п.); монг. *xān-ā-dā* «у хана» (местн.-дат. п.); корейск. *saram-ii-ge* «в (доме) человека» (местн. п.).

⁴ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957.

Во многих алтайских языках существует типичная конструкция определительных словосочетаний с род. падежом, ср.: тюрк. *qayınuı oğlu* «сын хана», монг. *xāni xöwün* «сын хана».

3. В и н и т е л ь н ы й п а д е ж: тюрк. -уу, -ү, -ну, -у; чуваш. -а, -ја, -па совпадает с показателем дат. п.; монг. -і после согласных, -ји после гласных: *gar-i* «руку» вин. п.; тунг. -а, -ја < -і: *tu-jə* «воду»; *mō-ja* «дерево» вин. п.; тунгусский показатель -ба / -wa / -та (*oron-to* «оленья») сходит к омертвевшему деепричастию глагола *poda* «смотреть» (ср. тюрк. *köre* или *qarayanda*); маньчж.: -be < *-ba (из той же формы деепричастия глагола *poda*).

4. Д а т е л ь н ы й п а д е ж: тюркск. -ға, -ја, -а; монгольская ранняя форма -а (*dotur-a* «во внутрь») теперь встречается только в послеложных и некоторых глагольных формах. В функции дат. падежа используется местн. падеж на -ду; тунгусский дат. падеж не продуктивен, вместо падежной формы используется послелог *ja* «сторона», который сохранился в древнетюркском *jura-ja* «на севере».

5. М е с т н ы й и и с х о д н ы й п а д е ж и: тюрк. -да; -дан, -дин, -даг; др.-тюрк. *oğuz-da* «у огузов» и «от огузов»; в древнем написании *oğuz-da-jan* ~ *oğuz-da-ñan*, *oğuz-dan-dan* «от огузов (= огузами)»; из -da-jan- > -dan-dan > аффикс исх. падежа -dan; монгольские местн. и дат. -да, -ду: -да при наречиях и послелогах и -ду при существительных. В письменном языке еще и -dur; тунг. -ду: *žū-du* «в доме»; корейской данной формы падежа нет; для указания на местонахождение предмета используется существительное *taj* «место», *je daj* «здесь», *če dgi* «там».

В тюркских и монгольских языках существует общий сложный аффикс местонахождения, состоящий из аффикса местн. падежа -да, -де и аффикса отношения -ki > -daki, ср. тюрк. *üj-degi* «находящийся в доме»; монг. *ger-te-ki* «находящийся в доме»; *en-deki* «здешний»; *er-teki* «ранний» и пр.

6. Д и р е к т и в н ы й п а д е ж: тюрк. -ru: *ābiru* «по направлению к моему дому»; *bā-rū* «сюда»; с дат. *taş-garu* «по направлению из»; монг. в диалектах -ru: *got-ru* «по направлению к реке, к середине»; корейск. -ru, -ro: *san-ro* «вдоль горы, через гору, горой» (южн. корейск.); *čibu-ru* «домой» (сев. корейск.).

Такое исключительное единство падежной системы алтайских языков, безусловно, указывает на самое ближайшее родство тех диалектов и наречий, которые в результате консолидации были источниками для образования последующих языковых групп, какими являются тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская и корейско-японская группы.

Итак, можно констатировать, что помимо общих типологических черт алтайских языков, огромного общего фонда их лексики всех отраслей (включая слова, обозначающие не только предметы, но и статические и динамические признаки, местоимения, служебные слова, слова образности и звукоподражательные), во многих деталях общей системы словообразования, а также весьма сходной фонологической структуры, алтайские языки обладают по существу и общей структурой словоизменения. Чрезвычайная близость в алтайских языках личных аффиксов, аффиксов принадлежности и аффиксов падежей, т. е. тех грамматических показателей, которые относятся к показателям категорий, непроницаемых при взаимодействии неродственных языков, и которые, следовательно, не могут быть заимствованы из одного языка в другой, убедительно свидетельствует о генетическом единстве алтайских языков.

Каким же образом можно объяснить развитие отдельных групп алтайских языков: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и других и их расхождение по другим признакам?

Развитие тюркских языков как результат консолидации многочислен-

ных диалектов и наречий, вышедших из алтайской общности, как бы содержит в себе те процессы, которые происходили в свое время в алтайских языках. Все современные тюркские языки представляют собой результат тех схождений и расхождений диалектов и наречий, носителями которых были отдельные племена, входившие в различные союзы племен, образовавшие позже устойчивые общности огузов, карлуков, кыпчаков, булгар и прочих племен. Племена эти родственны между собой, но характеризуются специфическими чертами различий своих наречий и языков, имеющих общую основу.

Если пристально проследить на материале тюркских языков, какие уровни языков и какие конкретные явления и факты этих родственных языков сохранили общие черты и какие явления этих языков претерпели изменения, то можно установить следующий индекс языковых явлений, которые остаются незабываемыми и непроницаемыми в отношении воздействия других языков, и перечень тех явлений, которые быстро поддаются изменению.

Наиболее устойчивыми, неподдающимися существенным изменениям, общими для всех тюркских языков, а следовательно, гомогенными характерными чертами являются, прежде всего, категории словоизменения и формы, которые их выражают. Это личные аффиксы, аффиксы принадлежности и аффиксы падежей; в меньшей степени — аффиксы множественного числа, находящиеся на грани между формантами, выражающими словоизменительные и словообразовательные категории. Незначительные сдвиги и отклонения по конкретным тюркским языкам наблюдаются в отношении структуры и характера словообразовательных моделей при относительном единстве фонетического оформления формантов, их образующих. Не меньшей устойчивостью обладают некоторые разряды лексики и в том числе — существительные и прилагательные. Из существительных это те, которые выражают родственные отношения и обозначают части тела человека, явления природы, а также животных, предметы домашнего обихода; устойчива терминология, связанная с основным занятием тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских племен — скотоводством. Среди прилагательных устойчивостью отличаются названия цветовых оттенков, качеств и свойств человека. Из других частей речи устойчив значительный слой глаголов как с конкретной семантикой действия и состояния, так и с абстрактными значениями; то же можно сказать о некоторых разрядах местоимений, наречий, послелогов, а также об образно-звукоподражательных словах.

Из синтаксических категорий и особенностей наибольшей устойчивостью обладают притяжательные словосочетания; во всех алтайских языках употребляются обороты вместо придаточных предложений, определяющие члены в словосочетаниях неизменяемы, отсутствует согласование в числе определяемого, обычна функциональная полисемия именительного (или основного) падежа и другие особенности.

Характерными и устойчивыми чертами фонетической структуры тюркских языков являются, прежде всего, симметричный по ряду, подъему и лабиальности состав гласных фонем, общий в основных чертах состав согласных и сохранение в той или иной степени закономерностей сингармонизма слова.

Все эти явления — как в области лексики и грамматики, так и в области фонетики — присущи всем алтайским языкам. Устойчивость и слабая степень изменяемости этих явлений в алтайских языках является убедительным доказательством родства этих языков. Единая система словоизменения, структура и характер основных словообразовательных моделей и совпадение в значительном большинстве формантов, образующих

эти модели, материальная общность значительного слоя основного лексического фонда как в отношении имен, так и глаголов, совпадающий синтаксический строй и общие детали строя предложений и словосочетаний, а также общие черты фонетического состава — все эти данные исключают возможность считать монгольские, тунгусо-маньчжурские, а возможно, и некоторые другие группы языков Евразии генетически неродственными языкам тюркским.

Какие же черты тюркских языков, а следовательно — и алтайских, являются менее устойчивыми, подвергающимися во взаимодействии с другими языками значительным изменениям?

Наиболее проницаемым уровнем при взаимодействии языков, безусловно, является лексика. Если бы тюркские и монгольские языки (resp. другие алтайские языки) не были бы родственными, можно было бы ожидать больший процент лексических сходжений, чем грамматических, в то время как в действительности мы имеем обратную закономерность для этих языков.

Наибольшие заимствования из неродственных взаимодействующих языков, как это можно наблюдать на примере тюркских языков, падают на следующие отрасли лексики: 1) лексика, связанная с различного рода мифологическими и космическими представлениями и понятиями; 2) лексика, выражающая отвлеченные понятия; 3) различного рода терминология, связанная с ремеслами и занятиями; 4) отвлеченные понятия чисел, счет и пр.

В лексике тюркских языков наибольший процент заимствованной лексики обнаруживается именно в этих отраслях. Относительно слабым звеном в лексике являются и числительные. Таковы различные слова для обозначения десятков во многих тюркских языках, замена заимствованными числительными отдельных разрядов (например, порядковых числительных) в саларском языке, особый счет десятков у древних тюрков, особый двадцатиричный счет у карачаево-балкарцев и пр. Поэтому различие числительных в монгольских и тюркских языках нельзя признать убедительным аргументом противников генетического родства.

Любопытно, что противники генетического родства для доказательства своих положений, как правило, опираются именно на эти разряды лексики: наименования космических явлений, отвлеченных понятий, числительных, т. е. как раз на наиболее проницаемые отрасли лексики. Пользуясь подобными примерами, скептики при анализе и сопоставлении лексики алтайских языков не учитывают или вернее — не исследуют глубоко возможность не прямых соответствий слов, выражающих то или иное понятие, а косвенных соответствий, исторически возникших, например, в результате семантической филиации значений от других лексических основ или различного рода переносных значений других слов и семантических полей, в которые они входят, и пр.⁵

В области синтаксиса наиболее слабыми, проницаемыми звеньями являются, прежде всего, синтаксические конструкции, порядок слов в составе словосочетания и предложения, подчинительные конструкции в сложном предложении и пр., а в морфологии — некоторые словообразовательные модели и спрягаемые основы глагола.

Для фонетики характерна только весьма относительная проницаемость скорее количественная, чем качественная, при довольно устойчивой общей фонетической структуре. Для тюркских языков в результате взаимодействия их с другими языками характерно появление вместе с заимствованными словами новых звуков, которые, однако, действуют на

⁵ Ср.: А. М. Щербак, указ. соч.

изменение общей структуры весьма медленно, оставаясь, как правило, инородными включениями, находящимися вне той или иной подсистемы (гласных или согласных). Тем не менее, длительное воздействие того или иного адстрата приводит к видоизменению некоторых фонетических закономерностей (ср., например, относительное разрушение сингармонизма в узбекском языке под влиянием иранских языков), к возникновению новых коррелятивных соотношений в составе согласных в связи с появлением новых согласных (ср., например, образование придыхательных согласных под влиянием соседних адстратов — в турецких диалектах восточных вилайетов под влиянием армянского языка или в тюркских языках и диалектах Сибири — под влиянием китайского языка и пр.).

Многие из субстратов и адстратов, воздействовавшие на формирование алтайских языков, пока остаются невыясненными⁶, впрочем, различия индоевропейских языков по всем языковым уровням также объясняются воздействием невыясненных, неизвестных субстратов. «У каждого из индоевропейских языков,— пишет А. Мейе,— свой собственный тип: произношение и морфология каждого из них характеризуются своими особыми чертами; едва ли можно предположить иные причины этого своеобразия, к тому же довольно глубокого, кроме тех особенностей, которыми характеризовались языки прежнего населения, сменившиеся индоевропейским. Это влияние языков, сменивших языком индоевропейским, называется „действием субстрата“. К несчастью, субстраты почти всюду нам неизвестны, так что приходится довольствоваться недоказуемыми гипотезами»⁷.

Итак, из обзора наиболее устойчивых элементов языка и явлений, подвергавшихся в большей степени изменению при взаимодействии языков, совершенно очевидно, что в алтайских языках устойчиво сохраняются именно те элементы, которые характеризуют генетическую их общность, поскольку те же элементы являются обычно устойчивыми и неизменяемыми также и в группе близкородственных языков, как это мы видели на примере тюркских языков.

Совершенно очевидно, хотя бы на примере общего материального единства такой непроницаемой для воздействия неродственных языков категории, как склонение, развитие алтайских языков шло не в направлении от типологического (аналогического) к органическому (гомологическому) родству, как это предполагает Г. Дёрфер⁸, а от близкого родства и максимальных схождений в области грамматики и лексики к дивергенции и приобретению большего количества расхождений по отдельным группам и по конкретным алтайским языкам. Однако близость отдельных родственных групп алтайских языков не была равномерной и зависела, с одной стороны, от близости соответствующих ареалов родственных языков, а с другой — от соседних адстратных, а также и субстратных языков.

Первоначальное единство наиболее непроницаемых явлений по всем уровням каждой конкретной группы языков сохранилось во всех алтайских языках, в то время как наиболее проницаемые звенья в системе отдельных языков постепенно видоизменялись, причем эскалация этих изменений зависела от времени консолидации ареалов и подареалов, а также от степени воздействия соседних неродственных языков.

⁶ См. об этом, например: W. Winter, *Tocharians and Turks*, «Aspects of Altaic civilization» («Uralic and Altaic series», 23), Bloomington, 1963.

⁷ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 59.

⁸ G. Doerfer, *Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen*, IF, 71, 12, 1966; его же, *Zur ural-altaischen Sprachverwandtschaft*, 2, UAJb, 36, 1—/, 1965, стр. 174—178.

Таким образом, алтайские языки представляют собой результат ареальной консолидации группы близкородственных племенных наречий, образовавшихся в древности в цепной последовательности звеньев на территории Северной Евразии; позже из них последовательно образовались конкретные группы языков: тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, корео-японская. При формировании каждой группы происходило включение элементов различных соседних адстратных языков, благодаря которым возникали значительные расхождения в грамматике и лексике конкретных языков каждой группы.

Так, при формировании подареала тюркских языков, занимавших в цепи родственных алтайских наречий западное положение и непосредственно соприкасавшихся с подареалом монгольских языков, основа тюркских языков, естественно, имеет большое число общих элементов по всем уровням языка и максимальное количество схождений с монгольскими как в области лексики, так и в особенности грамматики. В свою очередь подареал монгольских языков формировался в непосредственной близости с тунгусо-маньчжурскими языками, которые имеют больше родственных черт и схождений в области лексики и грамматики с монгольскими языками, чем с тюркскими. Что же касается родственных отношений тунгусо-маньчжурских языков с тюркскими, то и те и другие имеют общую непроницаемую грамматическую основу и, в частности, общую падежную систему, хотя тунгусо-маньчжурские языки благодаря воздействию адстратных языков и благодаря тому, что их подареал занимает крайнее восточное положение в цепи алтайских наречий, получили большее количество общих родственных черт, с одной стороны, с монгольскими языками, а с другой — с корейским.

Минимальное количество схождений в лексике имеют полярные подареалы, т. е., с одной стороны, тюркская группа языков, а с другой — корео-японская группа, хотя самые непроницаемые звенья в системе, например грамматики тюркских языков и корейского, как показали исследования Г. И. Рамстеда, являются общими.

Каждая из групп языков в составе алтайской семьи, имея общую алтайскую основу, приобрела своеобразные черты, во-первых, благодаря своему положению в общей цепи родоплеменных древних наречий, а во-вторых, благодаря включению элементов субстратных и соседних адстратных неродственных языков и наречий. Тюркские языки, кроме элементов близкородственных языков монгольских и тунгусо-маньчжурских и дальнеродственных — финно-угорских, приобрели элементы индоевропейские, семитические, палеоазиатские, китайские, тибетские и пр. В монгольские языки, кроме близкородственных тюркских и тунгусо-маньчжурских и дальнеродственных — финно-угорских, проникли элементы в меньшей мере индоевропейских языков, в большей степени — палеоазиатских, тибетского, китайского, корейского и других языков. Для тунгусо-маньчжурских, кроме родственных языков, значительно воздействие палеоазиатских, китайского и других языков, для корео-японских, кроме родственных языков, — влияние китайского, малайских и других языков.

Подводя итоги, мы приходим к общему выводу о гомогенной или гомологической природе всех алтайских языков, входивших ранее в более крупный ареал дальнеродственных урало-алтайских языков, автохтонная территория распространения которых находилась к северу от такого же крупного ареала индоевропейских языков. Относительные расхождения между алтайскими языками и различный характер этих расхождений между конкретными подгруппами алтайских языков вызван, во-первых, близостью и интенсивностью контактов между этими подгруппами языков, ареалы которых были территориально расположены в цепной

последовательности, и, во-вторых, воздействием различных адстратных и субстратных родственных и неродственных языков и наречий. Примечательно, что характер расхождений и схождений в алтайских и уральских языках в некоторых чертах напоминает характер отношений между собой отдельных подгрупп индоевропейских языков: романских и албаногреческих, германских, балто-славянских и иранских и т. д.

Изучение связей и отношений между родственными языками алтайской (и шире — урало-алтайской) семьи затруднено отсутствием древних источников, которые в значительной мере представлены для индоевропейской семьи языков. Поэтому существенную помощь в анализе родственных отношений между алтайскими, шире — урало-алтайскими — языками окажет сравнительное изучение развития конкретных языков и их подгрупп как в системе алтайской (resp. урало-алтайской) семьи, так и в системах других семей, а также позитивный и более глубокий всесторонний подход как в отношении анализа схождений в этих языках, так и анализа имеющих расхождений.

Примечание. В схеме (стр. 45.) заглавные буквы обозначают названия общностей соответствующих языков: *H* — различных евразийских наречий и диалектов; *УА* — урало-алтайских; *X₁, X₂* и т. д. — различных потенциальных групп наречий и диалектов; *A* — алтайских; *У* — уральских; *T* — тюркских; *M* — монгольских; *ТМ* — тунгусо-маньчжурских; *ЯК* — японо-корейских; *Булг.* — болгарских; *Уйг.* — уйгурских; *O — K* — огузо-кыпчакских; *Карл.* — карлукских; *a, b, c, d* — диалекты соответствующих языковых общностей. Линии, соединяющие соответствующие буквенные обозначения, указывают на процессы дифференциации и интеграции в развитии языков.